Чао Цзяньсюэ зашагал вперед, нарочно задев плечом ученика Секты Тяняо, который только что толкнул его самого.

Вокруг было полно народу, а Мо Цзэчжи слыл человеком, который превыше всего ценил собственную репутацию. Его лицо перекосило от злости:

— Чао Цзяньсюэ! Не наглей, имей совесть!

Когда Чао Цзяньсюэ проходил мимо, он лишь закатил глаза, да так выразительно, что Мо Цзэчжи едва не выхватил меч. Поравнявшись с ним, тот прошипел сквозь зубы:

— Хочешь, чтобы я втоптал тебя в грязь?

— Чего ты гавкаешь?

— Ты что такое несешь, негодник!

Чао Цзяньсюэ бросил на него быстрый, полный презрения взгляд, в котором, однако, сквозило странное очарование, заставлявшее людей забывать о его истинных намерениях. Он хитро прищурился и добавил:

— Сначала попробуй победить моего младшего соученика, а иначе ты — пустое место.

Мо Цзэчжи сжал рукоять меча:

— Еще увидимся!

Чао Цзяньсюэ не удостоил его ответом. Излучая ауру безмятежности в духе «не нравится — попробуй ударить», он небрежно поправил свой конский хвост и вскоре поднялся на смотровую площадку.

Так легко столкнуть Мо Цзэчжи лбами с Юй Вэем — это доставило Чао Цзяньсюэ истинное удовольствие. Единственное, чего не хватало для полного счастья — попкорна или каких-нибудь закусок, чтобы смотреть представление с большим комфортом.

Едва он сел, окружающие начали узнавать его, и их взгляды стали весьма неоднозначными. Впрочем, несколько учеников внешнего круга Секты Увэй поприветствовали его. В отличие от нефритовых бирок внутренних учеников, их именные жетоны были деревянными, так что статус считывался мгновенно.

Вскоре в толпе началось оживление. Чао Цзяньсюэ, подперев подбородок, выглянул через брешь в рядах зрителей: конечно же, появился всеобщий любимец, младший соученик Юй Вэй. Окруженный старшими братьями и сестрами, он, вопреки шумной атмосфере, казался спокойным и отстраненным, словно обладал истинной бессмертной грацией.

Чао Цзяньсюэ не сводил с него глаз. Положа руку на сердце, фраза из буклета — «Красавец, подобный нефриту, с мечом, словно радуга; дух — как осенние воды, а кости — из чистого нефрита» — вовсе не была преувеличением. Даже в одинаковой форме секты Юй Вэй выделялся в толпе ярче всех.

Что ж, держался он ровнее всех: широкие плечи, узкая талия, длинные ноги — пропорции были просто поразительными. В нем еще чувствовалась юношеская свежесть, но глубокое, спокойное достоинство выделяло его на фоне сверстников, притягивая взгляды, как магнит.

Чао Цзяньсюэ украдкой взглянул на буклет, потом на самого парня, и в душе его заскребла зависть.

Внезапно Юй Вэй посмотрел в его сторону и задержал взгляд. Чао Цзяньсюэ вздрогнул и, чувствуя себя вором, застигнутым на месте преступления, поспешно прикрыл лицо буклетом.

Быть не может? Вокруг столько людей, мы даже не знакомы близко, с чего бы ему смотреть на меня? Наверняка показалось.

Подумав так, он опустил буклет. Юй Вэй действительно больше не смотрел в его сторону, а разговаривал с Наньшанем.

Наньшань, глядя в список поединков, ворчал:

— Надо же было попасть на этого Мо Цзэчжи, такая досада. Младший брат, бейся в полную силу. Во что бы то ни стало собьешь с него спесь, а то он уже возомнил, будто все на Горе Фусянь — такие же бездари, как Чао Цзяньсюэ!

Юй Вэй неожиданно спросил:

— Старший брат… он правда страдает порочной страстью к мужчинам?

Наньшань вздрогнул:

— Кто знает! Ты еще слишком молод, не забивай голову такими вещами, не учись плохому!

Юй Вэй промолчал, лишь нахмурившись.

Наньшань продолжил:

— И неважно, страдает или нет. Я склоняюсь к тому, что Мо Цзэчжи просто ненормальный. Кто просил Чао Цзяньсюэ не остерегаться чужаков? Вот и результат: даже если он был не при чем, теперь все считают его таким же. С такими типами сложно иметь дело, будь осторожен на арене.

Юй Вэй окинул толпу взглядом и сразу нашел Мо Цзэчжи. Одежда Секты Тяняо была

вызывающей: среди блеклых тонов остальной толпы только они носили темные цвета. В этот момент Мо Цзэчжи тоже пристально смотрел на Юй Вэя. Чувства совершенствующихся были остры, и Юй Вэй ясно ощутил исходящую от него недобрую, агрессивную враждебность.

Однако, заметив, что на него смотрят, Мо Цзэчжи нацепил фальшивую улыбку и кивнул. Юй Вэй отвел взгляд и сказал Наньшаню:

— Старший брат прав.

Наньшань опешил:

— В чем именно прав?

Юй Вэй с уверенностью ответил:

— Он ненормальный.

Он незаметно еще раз взглянул на Чао Цзяньсюэ и увидел, что тот смотрит в буклет, подолгу зависая на первой странице. Юй Вэй, разумеется, знал, что на ней изображено. Когда старшая сестра составляла списки и рисовала портреты, он полдня простоял под деревом, пока она мучилась, перерисовывая, комкая бумагу и начиная заново. Зачем Чао Цзяньсюэ так внимательно изучает его портрет?

В раздумьях он вдруг увидел, как Чао Цзяньсюэ улыбнулся — глаза прищурились, став мягкими, словно весенний пейзаж. Юй Вэй отвел глаза, почувствовав, как кончики пальцев стали горячими — сам не зная почему.

Говорят, что на расстоянии все кажется прекраснее. Если бы Юй Вэй подошел ближе и заглянул в буклет, его пыл мгновенно остыл бы. Ведь Чао Цзяньсюэ как раз пририсовывал портрету Юй Вэя густые усы. Всего пара движений крошечным заклинанием — и изящный «нефритовый принц» превратился в бородатого мужика. Контраст был таким потешным, что Чао Цзяньсюэ едва сдерживал смех. От скуки приходилось развлекать себя самому.

Ученики за его спиной заметили, что он делает, и, уже привыкшие к подобному, лишь понимающе переглянулись: и правда, Чао Цзяньсюэ терпеть не может Юй Вэя, раз даже так пытается его очернить.

После нескольких ударов в барабан поединок официально начался. Чао Цзяньсюэ впервые видел драку совершенствующихся: это было невероятное зрелище — разноцветные вспышки света, мелодичный лязг сталкивающегося оружия, причудливые духовные артефакты и приемы. Романы о совершенствовании не лгали!

Во всей толпе только Чао Цзяньсюэ был новичком в таких делах, он вертел головой, не зная, куда смотреть.

Пронеслись три поединка, и позади послышался выкрик:

— Следующий бой — Юй Вэй против Секты Тяняо! Последняя возможность сделать ставку! Кто еще хочет поставить?

Чао Цзяньсюэ решительно вытащил камень духа высшего качества и сказал:

— Я ставлю!

Ученик внешнего круга замялся, а потом, поняв, в чем дело, наклонился и зашептал:

— Старший брат Чао, вы, должно быть, хотите поставить на победу Секты Тяняо?

Все знали, что Чао Цзяньсюэ недолюбливает Юй Вэя, и в свете последних сплетен догадка ученика казалась логичной. Но Чао Цзяньсюэ лишь сделал удивленное лицо:

— Брат, что за глупости ты говоришь? Юй Вэй — мой родной младший брат, как я могу желать ему поражения? Ставлю на победу Юй Вэя!

— Хорошо! Вот ваша квитанция! — ученик с ухмылкой протянул ему бумажку.

Чао Цзяньсюэ снова обратил внимание на арену. Послышались удары гонгов, бойцы вышли на платформу, и гомон толпы стих.

Оказавшись лицом к лицу с Мо Цзэчжи, Юй Вэй почувствовал, что тот действительно питает к нему необъяснимую вражду. Еще до начала поединка Мо Цзэчжи окинул его злобным взглядом, его Духовная сила уже пульсировала в ступнях, готовясь к атаке с самоуверенным высокомерием. Юй Вэй нахмурился и положил руку на Меч Вэйи.

Ведущий ученик, заметив атмосферу, отличавшуюся от других боев, кашлянул:

— Напоминаю: это лишь дружеская дуэль, во всем знать меру.

Мо Цзэчжи фыркнул. Какой-то ученик, только что достигший стадии Зарождающейся Души, против него, кто практиковал на этой стадии уже пятьдесят лет? Как он может проиграть? Он скосил глаза на Чао Цзяньсюэ. Он заставит Чао Цзяньсюэ добровольно склониться перед ним.

Юй Вэй, естественно, заметил этот взгляд и нахмурился еще сильнее: какое отношение все это имеет к Чао Цзяньсюэ?

Не успели бойцы обменяться положенным приветствием, как Мо Цзэчжи, выхватив меч, бросился в атаку. С лязгом Меч Вэйи отразил удар, озарившись бледно-голубым светом. Толпа внизу не успела опомниться, как двое на платформе уже сменили несколько стоек, непрекращающийся звон мечей заставил зрителей запоздало осознать: «Не слишком ли это жестоко?»

Каждый удар Мо Цзэчжи отличался от предыдущих поединков. Обычно бойцы оставляли путь к отступлению, чтобы не портить отношения в будущем, но его меч был коварен — он бил точно в уязвимые места духовной защиты Юй Вэя, игнорируя всякие правила чести.

Юй Вэй, напротив, двигался легко, используя мягкость против силы. Хотя на лбу у него выступил легкий пот, он не терял самообладания под этим шквальным натиском и, напротив, использовал силу противника против него самого, отражая самые свирепые выпады. Его одежды развевались, фигура в полете напоминала грациозного дракона, заставляя фанаток восторженно шептать: «Юй Вэй такой красавчик!»

Чао Цзяньсюэ, не мигая, смотрел на него и тоже застыл. И правда, чертовски хорош! Когда уже он сам сможет так эффектно красоваться?

Однако мягкие техники Юй Вэя под яростным натиском Мо Цзэчжи не приносили успеха, и постепенно стало казаться, что он начинает проигрывать. Люди, почуяв неладное, бросились делать дополнительные ставки на Мо Цзэчжи.

Холодный порыв ветра от меча пронесся мимо носа Юй Вэя, он увернулся, в редкий раз выказав нетерпение.

— Хм, — Юй Вэй, сдерживая напор меча противника, недоуменно спросил, — к чему такая ярость?

Мо Цзэчжи, поднажав, холодно усмехнулся:

— Когда я побежу тебя, Чао Цзяньсюэ станет моим.

— …

Духовная энергия взорвалась, Юй Вэй оттолкнул его, нахмурившись еще глубже. Изначально он хотел просто провести дружеский поединок. Но услышав эти слова, он ощутил глубокое отвращение. Клинок Меча Вэйи изменил траекторию, Юй Вэй перестал сдерживаться и начал теснить Мо Цзэчжи шаг за шагом. Ситуация мгновенно изменилась на противоположную, став невероятно захватывающей.

Зрители замерли, сдерживая крики восторга. Поединок затянулся, и Мо Цзэчжи, слишком быстро расходующий Духовную силу, начал выдыхаться. Юй Вэй же, напротив, был стабилен, что привело Мо Цзэчжи в ярость.

Чувствуя, что проигрывает, он снова глянул на Чао Цзяньсюэ и увидел, что тот лениво подпирает голову, а в его глазах читается насмешка. Мо Цзэчжи охватил гнев.

В мгновение ока он схватился за украшение на поясе и выбросил облако белого порошка. Порошок попал в глаза, вызвав жгучую боль. Юй Вэй не был готов к такому, и, хотя он

попытался защититься, меч Мо Цзэчжи уже был приставлен к его горлу.

Сцена замерла. Все притихли, а затем разразились шумом.

— Он жульничает!

— Но правил, запрещающих это, не было!

Правил не было, потому что использование только личного духовного артефакта уже давно стало негласным законом.

Кто-то из учеников Секты Увэй закричал:

— Бесчестная победа!

http://bllate.org/book/40863/5197708